

ИСЧЕЗНУВШИЙ ПОРТРЕТ

Судьбы произведений искусства порой столь же загадочны, как и людские.

Известно, что художник Борис Кустодиев и писатель Евгений Замятин были большими друзьями. В 1923 году Кустодиев создает портрет Замятина. Он неоднократно экспонировался: впервые на выставке русского искусства в Нью-Йорке в 1924 году, затем уже после смерти художника, в 1928 году, в Ленинграде и в 1929 году в Москве. Известно, также, что немного позже создания портрета по просьбе писателя художник исполнил в той же технике два авторских повторения. Следы одного из них в годы Великой Отечественной войны теряются в Новгороде, другого — в Средней Азии.

Творческое содружество этих людей относится к началу двадцатых годов, когда Кустодиев оформил книгу Замятина «Как исцелен был отрок Еразм». Она увидела свет в Петрограде в издательстве Петрополис в 1922 году. В Петрограде в следующем году вышла и книга Кустодиева «Русь. Русские типы Б. М. Кустодиева». Предисловие написано Евгением Замятиным.

Творческое содружество не было случайным, оба художника прекрасно знали Россию, горячо любили ее, слыли превосходными знатоками русского народного творчества.

В дневнике художника-графика и историка искусства, близкого друга Кустодиева Всеволода Воинова находим следующую запись: «Бориса Михайловича застали за работой над портретом

Евг. Замятина (рисунок). Очень удачный портрет на фоне города будущего». Эта запись датирована 5 мая 1923 года.

Дружба развивалась и крепла. Сын Кустодиева вспоминает: «Писатель Е. И. Замятин предложил отцу провести лето 1925 года в г. Лебедяни. Будучи отличным рассказчиком и горячо любя свой город, Замятин увлек отца красотами родных мест. Отец, как всегда, «загорелся», поездка была решена».

В письме к Воинову Кустодиев сообщает о своем желании пожить в Лебедяни: «...Соблазняет провинция, еще не виданная, и яблоки, которые там в изобилии». Лебедяни, родине Замятина, посвятил вдохновенные строки в своем стихотворении о русских городах поэт Сергей Марков:

Знаю я — малиновую
ранью

Лебеди плывут
над Лебедянью...

Дружба выдержала немало испытаний. Одним из них стала постановка «Блохи» МХАТом-2 в 1925 году. Инсценировку по рассказу Н. Лескова создал Евг. Замятин. Декорации к постановке было поручено сделать Н. Крымову. И вот, когда приближалась премьера, обнаружилось, что они не удовлетворяют режиссера. А. Дикий позже вспоминал: «Я заявил на художественном совете, что браку эскизы Крымова, несмотря на их высокое

качество... Решено тогда было обратиться к Б. М. Кустодиеву, тогда уже больному, наполовину парализованному, жившему постоянно в Ленинграде. Занятый по горло репетициями, я не мог вырваться ни на один день в Ленинград, и к Кустодиеву поехал Замятин. Прошло совсем немного дней (почти рекордный срок для художника), и Кустодиев прислал в Москву эскизы...». Несмотря на то, что постановка «Блохи» не состоялась, работы Кустодиева вошли в «золотой фонд» театрально-декоративного искусства.

В 1927 году обрывает жизнь Б. М. Кустодиева, но творения мастера продолжают жить. Продолжают жить и созданные им портреты, которые стоят особняком в его творчестве.

Они почти всегда композиционно выверены и строги. Рисунок четкий, серебряный графит чередуется со смелой акварелью, иногда сангиной или цветными карандашами. По технике исполнения они напоминают портреты К. Сомова. И если бы не фон, который в портретах Кустодиева

несет особую нагрузку, их можно было бы принять за работы прославленных европейских мастеров.

Каково же было мое изумление, когда в доме одного из самаркандских книголюбов увидел изумительно ясный портрет Евг. Замятина, который считался безвозвратно утраченным. В книге «Б. М. Кустодиев», изданной в 1982 году издательством «Советский художник», этот портрет значится, но не указано, где он сейчас находится, не дано его воспроизведения.

Расспрашивая почтенного Т. Искандари о судьбе портрета, я узнал, что он был подарен его деду самим писателем в конце двадцатых годов, когда он учился в Москве. Портрет считается родово-вой реликвией и хранится в семье Искандари вот уже на протяжении трех поколений.

Дорог для владельца и фон портрета. Новостройки, арки мостов, вздымающиеся за спиной глубоко задумавшегося писателя, перемежаются со зданиями, так напоминающими самаркандские мавзолеи. Т. Искандари считает, что русский художник Б. Кустодиев предвидел, что в городе будущего, который изображен им на портрете, воплотятся и черты среднеазиатской архитектуры.

Портрет найден. Остается надеяться, что он все же вернется в Москву, в город, который так любил Кустодиев, и украсит собой экспозицию одного из столичных музеев.

С. ВЫЧКОВ,
литературовед.